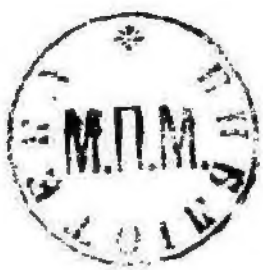
Н. М. Гершштейнъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій просп., 8.
1897.

2007058314



I.

Незачѣмъ слишкомъ далеко ходить, чтобы показать, насколько несостоятельна теорія раздѣленія ума и чувства, какъ особыхъ двигателей прогресса. Передъ нами на-лицо интеллигенція, съ одной стороны, и народъ—съ другой. Различіе между ними со стороны ума и чувства слишкомъ рѣзко, чтобы можно было отрицать его. Въ одномъ случаѣ высокая ступень альтруизма, до котораго доработалось современное человѣчество, интенсивное чувство справедливости и необыкновенно чуткая совѣсть явно совмѣщаются съ высокимъ умственнымъ развитіемъ, съ послѣднимъ словомъ идейнаго прогресса; въ другомъ—умственный мракъ на ряду съ тѣмъ инстинктивнымъ, безсознательнымъ и неопредѣленнымъ альтруизмомъ, который не имѣетъ ни силы, ни энергіи альтруизма интеллигентнаго и котораго не лишено ни одно человѣческое существо.

Вообще для всякаго непредубѣжденнаго человѣка очевидно различіе между альтруизмомъ интеллигентнымъ и блѣднымъ, узкимъ, въ высшей степени неустойчивымъ альтруизмомъ народнымъ. И иначе, конечно, быть не можетъ. Не только чисто альтруистическія или общественныя чувства, но и чувство справедливости, а также и чувство совѣсти не могутъ достигнуть высокой степени развитія безъ соотвѣтственно высокаго умственнаго развитія. Всѣ эти чувства неспособны зарождаться, да и вообще немыслимы сами по себѣ, безъ руководящей *идеи*. Только тѣ общественныя отношенія, тѣ явленія и факты способны дѣйствовать на чувство, которые намъ понятны, и насколько широко это пониманіе, насколько работаетъ идея, настолько проявляется и чувство. Умъ, выросшій въ простой соціальной средѣ, привыкшій анализировать только явленія, не выходящія, напримѣръ, изъ узкаго района деревни, даетъ

скудную пищу альтруизму, раскрывая передъ нимъ весьма ограниченный кругъ ясно понимаемыхъ фактовъ, т.-е. возбудителей чувства. Этому альтруизму деревни, міра, общины еще далеко до альтруизма общечеловѣческаго, одушевляющаго интеллигенцію и, надо сказать правду—мало замѣтнаго въ народѣ. Совершенно параллельно ограниченности умственнаго кругозора и бѣдности матеріаловъ для мышленія, представляемыхъ деревней, чувство крестьянское работаетъ вяло, съ меньшей чистотой, рѣже возбуждается и чаще дремлетъ. За порогомъ деревни открывается новый міръ сложныхъ общественныхъ отношеній, заключающихъ обильный источникъ возбужденій для чувства, подъ непремѣннымъ, однако, условіемъ пониманія этихъ отношеній, потому что для всякаго несознающаго ихъ они не существуютъ и не могутъ производить никакой реакціи на чувство. Это, кажется, черезчуръ ясно, чтобы стоило на этомъ останавливаться. Мы отнюдь не утверждаемъ, чтобы въ этомъ новомъ мірѣ у лицъ, сознательно относящихся къ нему, рождались какія-либо особыя чувства. Главнѣйшія и элементарнѣйшія чувства, имѣющія значеніе въ дѣлѣ общественнаго прогресса, существуютъ безспорно у всѣхъ лицъ и упражняются въ большей или меньшей мѣрѣ вездѣ, гдѣ есть какое-бы то ни было общежитіе, но они несравненно чаще возбуждаются и становятся острѣе, въ сферѣ болѣе разнообразныхъ явленій и фактовъ, если только они ясно стоятъ предъ умственнымъ взоромъ носителей этихъ чувствъ. Послѣднее, повторяемъ, есть непремѣнное условіе всякаго чувствительнаго возбужденія. Плохо понимая какой-либо общественный фактъ или учрежденіе, человѣкъ, при встрѣчѣ съ нимъ, равнодушно пройдетъ мимо и ничто не шевельнется въ душѣ его; но тотъ-же фактъ или учрежденіе, взвѣшенные и оцѣненные во всѣхъ отношеніяхъ умомъ другого человѣка, способны приводить въ волненіе всѣ его общественныя чувства, при всякомъ воспоминаніи о нихъ. Что говорится иногда объ именахъ, то въ данномъ случаѣ приходится сказать о примѣрахъ: exempla sunt odiosa. Мы желали-бы только предостеречь отъ свойственнаго многимъ нашимъ узкимъ народникамъ увлеченія деревенскимъ или крестьянскимъ альтруизмомъ, не имѣющимъ, въ сущности, большой цѣны или, лучше сказать,—очень слабымъ и одностороннимъ. Воспитанный жизнью среди маленькой кучки односельцевъ, этотъ альтруизмъ ими и ограничивается, на нихъ и обрывается, распространяясь лишь на очень незначительный кругъ самыхъ простыхъ житейскихъ и соціальныхъ отношеній. Чего̀ стоитъ, напримѣръ, непониманіе цѣлой сферы политическихъ явленій или хотя-бы экономическихъ, содержащихъ неисчерпаемый источникъ стимуловъ для работы соціальныхъ чувствъ. Извѣстно, что правильная оцѣнка экономическихъ фактовъ доступна лишь развитой мысли и довольно солидному образованію, такъ что если взять человѣка невѣжественнаго, для сознанія

котораго добрая половина экономическихъ отношеній какъ-бы вычеркнута, то въ общемъ итогѣ у него неизбѣжно будутъ и чувство справедливости, и чувство совѣсти, и чувство общественной симпатіи. Это не теорія, не разсужденіе, а простая психологическая очевидность.

Совершенно несправедливо было-бы заключить изъ этихъ словъ, что человѣкъ, желающій имѣть обильный запасъ общественныхъ фактовъ, способныхъ стимулировать и развивать его чувства, долженъ личнымъ опытомъ переживать соотвѣтственныя общественныя отношенія. Никакой необходимости въ этомъ нѣтъ, идея является въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, полнымъ эквивалентомъ факта, она есть, такъ сказать, кредитная бумажка, которая, при желаніи, всегда можетъ быть размѣнена, посредствомъ личнаго опыта, на фактъ. Идея или принципъ есть даже больше, чѣмъ фактъ, потому что, кромѣ констатированія его, она показываетъ его мѣсто среди другихъ фактовъ, его отношеніе къ нимъ. Вотъ почему все отличіе народа отъ интеллигенціи заключается не столько въ томъ, что, находясь въ различныхъ соціально-экономическихъ условіяхъ, онъ знакомится съ иными общественными фактами и испытываетъ иныя впечатлѣнія отъ нихъ, сколько въ томъ, что онъ лишенъ обширной сферы идей, какъ о фактахъ, непосредственно переживаемыхъ имъ, такъ и о той средѣ явленій, съ которою онъ лично не соприкасается. Главная бѣда, слѣдовательно, въ невѣжествѣ и неразвитости народа.

II.

Намъ остается сдѣлать еще одно маленькое замѣчаніе. Послѣ всего сказаннаго всякій можетъ спросить: неужели всѣ умные и образованные люди непремѣнно пламенные альтруисты и образцы соціальной нравственности? Строго говоря, наши замѣчанія не подаютъ повода къ такому вопросу,—однако, намъ нѣтъ причинъ уклоняться отъ отвѣта даже и въ такой рѣшительной постановкѣ.

Прямой смыслъ нашихъ замѣчаній состоитъ въ томъ, что человѣкъ высокой соціальной нравственности долженъ быть умственно развитымъ; за это мы стоимъ безусловно. Но всякій-ли умный и образованный человѣкъ нравственъ? Это уже, конечно, вопросъ особый. Мы полагаемъ, что и этотъ вопросъ въ дѣйствительности рѣшается далеко не такъ, какъ рѣшаютъ его приверженцы теоріи превосходства чувства надъ умомъ, любящіе, какъ извѣстно, ворчать на умныхъ людей и плаксиво жаловаться, что между ими сплошь и рядомъ попадаются отъявленные негодяи, въ которыхъ едва можно распознать образъ и подобіе Божіе. Попадаются, это правда; однако, есть основаніе думать, что если въ этихъ негодяяхъ есть что нибудь терпимое, то именно, благодаря ихъ умственной культурѣ и что, не получи они таковой, они были-бы еще ниже

въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ они есть. Тоже самое справедливо и относительно многочисленнаго класса людей *выдающагося* умственнаго развитія и *сомнительной* или *посредственной* нравственности; безъ умственной культуры они были-бы несравненно безнравственнѣе. Но, разумѣется, на чувство дѣйствуетъ не одинъ умъ, но и другіе моменты и условія, лежащіе въ психической организаціи, въ природѣ человѣка, и оттого, собственно, и возможны случаи хорошаго умственнаго—безъ соотвѣтственнаго нравственнаго—развитія. У всякаго человѣка къ соціальнымъ чувствамъ, находящимся, дѣйствительно, въ самой тѣсной зависимости отъ умственной культуры, присоединяются еще различныя страсти и эволюціи съ эгоистической или противообщественной тенденціей; но даже и этого рода чувства подчиняются въ значительной мѣрѣ благотворному дѣйствію умственной культуры. Такъ называемое облагораживаніе страстей, подъ вліяніемъ умственнаго развитія, есть общественный психологическій фактъ. Но мы можемъ оставить его въ сторонѣ въ виду того, что, какъ признаютъ сами приверженцы теоріи главенства чувства, эгоистическія эволюціи неподвижны и неспособны къ развитію и къ усиленію, тогда какъ соціальныя и альтруистическія чувства постоянно прогрессируютъ, какъ это хорошо выяснено Спенсеромъ въ его эволюціонной теоріи этики. Слѣдовательно, соціальныя чувства, сдѣлавшись интенсивнѣе и шире, возьмутъ верхъ надъ неподвижными эгоистическими эволюціями, умалятъ значеніе ихъ и будутъ играть главную роль въ соціальномъ прогрессѣ. Такимъ образомъ въ окончательномъ итогѣ, вся сила въ альтруистическихъ чувствахъ и въ томъ *умственномъ развитіи*, которое стимулируетъ ихъ и вообще составляетъ главнѣйшее условіе ихъ прогресса. Уже и теперь слишкомъ замѣтно въ обществѣ наростаніе альтруизма; въ этомъ, конечно, нетрудно было-бы убѣдиться на самыхъ очевидныхъ примѣрахъ. Но это наростаніе альтруизма совершается, однако, въ интеллигентной средѣ, а не въ массѣ народа, и этимъ фактомъ, повторяемъ, лучше всякихъ разсужденій доказывается существованіе тѣсной зависимости соціально-нравственнаго отъ умственнаго развитія. Интеллигенція есть продуктъ новѣйшаго времени. Были, конечно, и прежде умные и образованные люди, между которыми также по преимуществу находились единичные носители высшей общественной нравственности. Но нынѣшняя интеллигенція съ ея сильно выраженнымъ альтруизмомъ разрослась отъ единицъ до чего-то въ родѣ особаго класса, и если прослѣдить ея исторію, то невозможно не признать, что ея альтруизмъ выросталъ и развивался вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ распространялись среди нея знанія и умножались идеи объ обществѣ и соціально экономическихъ отношеніяхъ—новое болѣе частное доказательство въ пользу той-же неизбѣжной связи между умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ.

III.

И такъ, учить народъ не значитъ заниматься безпечальной культурой ума, изъ которой неизвѣстно еще какой выйдетъ прокъ. Насколько удовлетворяетъ она идеальной потребности свѣта, присущей всякому человѣческому существу, на столько же достигаются этой культурой, путемъ воздѣйствія на соціальную нравственность, практическія цѣли величайшей важности. Но какъ учить? Вотъ въ чемъ вопросъ. Послѣ всего сказаннаго не трудно догадаться, что съ нашей точки зрѣнія далеко не то, что у насъ идетъ теперь подъ именемъ народнаго образованія, стоитъ дѣятельнаго распространенія среди массъ и необходимыхъ для этого усилій и средствъ.

Помимо указаннаго нами принципіальнаго недоразумѣнія о значеніи ума и чувства, какъ факторовъ прогресса,—просвѣтительное рвеніе земства и общества неизбѣжно должно было охладѣть, вслѣдствіе полной безрезультатности 30-ти лѣтняго опыта просвѣщенія народа. Прошли блаженныя времена, когда лучшія силы интеллигентной Россіи бросались съ кипучимъ одушевленіемъ на борьбу съ безграмотностью народа. Съ тѣхъ поръ мы порядочно поостыли. Теперь уже мы учимъ народъ, точно исполняемъ какую-то прозаическую обязанность; народное образованіе порой вызываетъ еще толки; школы кое-какъ умножаются, но надъ всѣмъ этимъ дѣломъ уже носится сомнѣніе утомленной мысли, холодомъ вѣетъ отъ него, и между современными друзьями народа не много такихъ, которые рѣшились-бы, какъ это зачастую бывало прежде, всецѣло зарыться въ сельскую школу и посвятить себя азбучному просвѣщенію народа.

Съ середины 60-хъ годовъ въ 30-ти губерніяхъ общій земскій бюджетъ успѣлъ возрости слишкомъ въ 6 разъ (Оп. изслѣд. дѣят. органовъ земск. самоупр. въ Россіи, В. Ивановскаго. Казань, 1892, стр. 87), въ этомъ бюджетѣ затраты на образованіе постоянно увеличиваются такъ, что теперь онѣ составляютъ $^1/_4$—$^1/_3$ всѣхъ земскихъ расходовъ. Отъ народной школы уже и теперь трещитъ земскій бюджетъ, и она все тяжеле и тяжеле ложится на народъ. Что же будетъ потомъ? Со всѣхъ сторонъ раздаются у насъ жалобы, что земство вообще тратитъ у насъ черезчуръ мало на школы. На это можно сказать, что оно тратитъ и мало и страшно много въ одно и то-же время. Мало, потому что у насъ всѣхъ начальныхъ школъ считается до 25,000, а ихъ необходимо имѣть въ настоящее время до 300,000,—слишкомъ въ десять разъ больше. Тамъ гдѣ народное образованіе поставлено наилучшимъ образомъ, учатся всего $^1/_3$ дѣтей учебнаго возраста, а такихъ счастливыхъ губерній всего три изъ 32; въ большинствѣ случаевъ учится несравненно меньше. Въ 7 губерніяхъ учащіеся составляютъ 20—30%, въ пяти 10—15%, въ

восьми менѣе 10% (Земскіе вопросы, В. Скалона, 58, 59). Въ частности эти отношенія еще болѣе печальны. Такъ, въ Сарапульскомъ уѣздѣ, гдѣ сравнительно на народное образованіе тратится довольно много (36,610 р., см. Журн. сарап. уѣздн. земск. собр. за 1891 г., стр. 203), изъ 35 волостей, только въ двухъ учится половина всѣхъ мальчиковъ учебнаго возраста, въ восьми волостяхъ $^1/_3$—$^1/_5$, въ одиннадцати $^1/_5$—$^1/_{10}$, въ тридцати $^1/_{10}$—$^1/_{25}$. А что касается женскаго образованія, то его можно считать у насъ несуществующимъ. Напримѣръ, въ упомянутомъ уѣздѣ въ пяти волостяхъ учится $^1/_{100}$ часть дѣвочекъ учебнаго возраста, въ одной волости $^1/_{164}$ часть и въ одной $^1/_{328}$, среднимъ же счетомъ по всему уѣзду учится $^1/_{100}$ часть. Нѣтъ сомнѣнія, что это ничтожное число учащихся слѣдуетъ приписать только недостатку школъ, но отнюдь не нерасположенію крестьянъ къ образованію. Какъ ни чувствительно опустошаетъ школа народный карманъ, но, по свидѣтельству всѣхъ, близко стоящихъ къ ней, крестьяне смотрятъ на нее съ какимъ-то своеобразнымъ почтеніемъ, потому, разумѣется, что они и не предчувствуютъ, какъ ничтожно ея образовательное значеніе. Незначительное число учащихся приходится объяснить только недостаткомъ школъ, дальностью разстоянія, какъ это въ нѣкоторымъ случаяхъ прямо видно изъ фактовъ; въ Курскомъ, напр., уѣздѣ, хорошо изслѣдованномъ въ этомъ отношеніи, процентъ грамотныхъ и учащихся весьма замѣтно уменьшается съ удаленіемъ школы отъ селенія. Всего больше грамотныхъ и учащихся въ томъ селеніи, отъ котораго школа отстоитъ менѣе, чѣмъ на версту, именно первыхъ 5,75%, вторыхъ 2,13%, при удаленіи школы на 1—2 версты грамотныхъ 4,87%; учащихся 1,64%, на 3—4 версты первыхъ 4,74%, вторыхъ 1,25% и т. д. Вообще значеніе школы, по словамъ собирателя этихъ данныхъ, простирается не дальше какъ на четыре версты: «на растояніи трехъ, четырехъ верстъ % начинаютъ колебаться, потому что колеблется самъ крестьянинъ, высчитывая сколько верстъ будетъ до школы—3 или 4. За пять верстъ отъ школы крестьянинъ уже остается безъ свѣта» (Сборн. статист. свѣд. по Курск. губерн. Москва, 1893 г., стр. 15).

IV.

Но, несмотря на то, что земство тратитъ на школы чрезвычайно мало, относительно существующей потребности въ образованіи, странѣ оно стоитъ весьма дорого. Вѣдь земская школа даетъ народу простую азбучную грамотность, которая хотя и необходима безусловно, сама по себѣ не имѣетъ, однако, никакой цѣны и только въ такомъ случаѣ получаетъ значеніе, если за ней слѣдуетъ дальнѣйшее образованіе. Безъ этого-же послѣдняго условія грамотность, если дешевизна ея не доведена до послѣдняго предѣла, становится и тяжкимъ, и излишнимъ бременемъ. И безъ

30-ти-лѣтняго опыта ясно, что между крестьяниномъ, умѣющимъ подписать свою фамилію, и ставящимъ, вмѣсто подписи, крестъ разница не Богъ вѣсть какая. На это, безъ сомнѣнія, тотчасъ-же послѣдуетъ обычное возраженіе защитниковъ азбучнаго просвѣщенія: «во всякомъ случаѣ», скажутъ они,—«грамотность лучше безграмотности, хотя-бы уже потому, что грамотный можетъ самъ дополнить свое образованіе». Что «грамотность лучше безграмотности»—на это положеніе можно-бы махнуть рукой, т. е. принять его безспорно, если бы только грамотность доставалась даромъ, или почти даромъ, какъ воздухъ, которымъ мы дышимъ, если-бъ она пріобрѣталась домашнимъ, семейнымъ образомъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ привилегированныхъ классахъ. Но когда за нее приходится платить изъ самыхъ ограниченныхъ рессурсовъ, ставить послѣднюю копѣйку ребромъ, самъ собою навязывается разсчетъ того, во что обходится грамотность. Въ чемъ она состоитъ? Этого никто еще изъ приверженцевъ грамотности не могъ путно разъяснить. Обыкновенно говорятъ, что она есть преддверіе къ чему-то высшему и лучшему. *Рядомъ, совмѣстно* не можетъ существовать дорого оплачиваемая система распространенія грамотности и еще болѣе дорогая система распространенія общаго или средняго образованія,—этого не въ состояніи вынести тощій народный карманъ. Платить возможно было-бы за что-нибудь одно, правильнѣе сказать, только въ такомъ случаѣ, если-бы грамотность постоянно удешевлялась, вмѣсто того, чтобы, какъ теперь, дорожать съ каждымъ годомъ; если бы она доставалась безъ чувствительныхъ затратъ, возможно и не смѣшно было-бы думать о томъ человѣческомъ образованіи для народа, котораго онъ нынѣ лишенъ.

Мало утѣшенія въ томъ наивномъ размышленіи, будто грамотность хоть тѣмъ полезна, что она даетъ возможность дополнить свое образованіе самостоятельно, чтеніемъ книжекъ. Дѣло идетъ не о единицахъ, а о массѣ; но кто-же, сколько-нибудь знакомый съ народомъ, видѣлъ, чтобы у крестьянъ чтеніе книжекъ было обычнымъ препровожденіемъ времени? Для того, чтобы внести, собственно говоря, очень сомнительную и мало дѣйствительную поправку въ нынѣшнюю систему распространенія грамотности, придется завести *народныя библіотеки* и *читальни*, хотя-бы въ каждомъ селеніи, гдѣ есть школа, т.-е. увеличить и безъ того непосильные для народа расходы на образованіе.

Непомѣрная дороговизна на земскія школы сдѣлается вполнѣ очевидной, если принять въ разсчетъ, что изъ всѣхъ учащихся грамотными становятся далеко не всѣ, часть изъ нихъ *не доучивается* и не умѣетъ ни читать, ни писать, а другая часть *забываетъ* грамотность, спустя нѣкоторое время послѣ выхода изъ школы. Такимъ образомъ, изъ общаго числа учащихся придется всѣхъ недоучившихся и рецидивистовъ въ безграмотность вычесть и уже изъ этого остатка взять, безъ сомнѣнія,

очень малую часть тѣхъ, которые, послѣ оставленія школы, будутъ читать книжки и которымъ грамотность можетъ принести нѣкоторую пользу. Много-ли ихъ окажется? Если разложить всѣ расходы на образованіе на эту кучку грамотныхъ, то, разумѣется, и ничтожныя вообще затраты земства на школы выйдутъ несоразмѣрно большими. За такую грамотность, не оказывающую никакого вліянія на общее развитіе, не способную подвинуть ни на волосъ впередъ косную мысль народа, за грамотность, которая столь-же скоро забывается, какъ и пріобрѣтается, платить за нее и въ 20 разъ меньше того, что платится, будетъ слишкомъ много.

Къ сожалѣнію, интересный вопросъ о томъ, какой процентъ учащихся забываетъ вовсе грамотность и какой удерживаетъ ее на болѣе или менѣе предолжительное время, трудно разрѣшить въ настоящее время; это самое слабое мѣсто школьной статистики. Свѣдѣній такого рода чрезвычайно мало и для собиранія ихъ не выработано еще правильнаго метода. Между прочимъ, собираніемъ этихъ данныхъ занималось бердянское земство, но, вслѣдствіе ихъ исключительнаго характера, онѣ едвали подлежатъ обобщенію. Рѣдко гдѣ въ Россіи народная школа такъ хорошо поставлена, какъ въ Бердянскомъ уѣздѣ и по его школамъ ни въ какомъ случаѣ нельзя заключать о прочихъ земскихъ школахъ. Кромѣ того, въ виду значительныхъ затратъ на грамотность, ничтожные результаты ея заставляютъ серьезно задуматься о роли и значеніи нашихъ сельскихъ школъ. Вѣдь еслибы онѣ прочно, даже навсегда утверждали въ народѣ грамотность, но только одну грамотность, то это еще не Богъ знаетъ какое-бы счастье было для страны, и весьма позволительно сомнѣваться, стоили-бы они и тогда поглощаемыхъ ими денегъ. Но что сказать о школахъ существующихъ, распространяющихъ такую грамотность, которая течетъ по усамъ, а въ ротъ не попадаетъ?

V.

Вообще, правильно организованная постоянная школа есть слишкомъ дорогое, слишкомъ большое учрежденіе, а грамотность есть слишкомъ маленькій и пустяшный результатъ, чтобы можно было ихъ совмѣщать. Школа не для грамотностя, а грамотность не для школы. Странно былобы, еслибы кто-нибудь вздумалъ завести великолѣпную оранжерею для разведенія лука; именно такого рода безуміе практикуется всей нашей системой народнаго образованія. Коренная ошибка ея заключается въ несоотвѣтствіи ея стоимости съ ея результатами, въ стремленіи увеличивать расходы на образованіе до неопредѣленной степени. Самымъ фактомъ своего существованія она не позволяетъ и думать о возвышеніи уровня народнаго образованія до той высоты, съ которой оно только и

можетъ посылать темной массѣ свой живительный свѣтъ. Къ сожалѣнію, существующая школьная система такъ прочно водворена у насъ, что она многимъ представляется вполнѣ естественной; по крайней мѣрѣ земство вовсе не замѣчаетъ, что она въ основѣ своей фальшива и является важнѣйшей изъ помѣхъ къ насажденію въ народѣ истиннаго образованія. Земство настолько ослѣплено иллюзіей полезности грамотности, что непрерывное увеличеніе расходовъ на ея распространеніе вовсе не считается имъ аномаліей, какъ это есть на самомъ дѣлѣ, но, напротивъ, оно ставитъ себѣ это въ заслугу, гордится этимъ и зачисляется услужливой печатью въ рядъ прогрессивныхъ земствъ. Бердянское земство съ наивнѣйшимъ чувствомъ самодовольства ставитъ въ своемъ отчетѣ на видъ, что оно постоянно увеличиваетъ расходы на образованіе и въ 24 года истратило милліонъ на школы. Съ обычной точки зрѣнія это, конечно, похвально, да и съ нашей собственной—нѣтъ возможности порицать за это земство. Мы желаемъ только указать, какъ искренно заблужденіе нашихъ земствъ, какъ склонны они радоваться, что у нихъ уходятъ деньги, но какъ мало они думаютъ о томъ, на что онѣ уходятъ. Милліонъ *выдано* на школы, но сколько не *додано* на дороги, на продовольствіе, на больницы? Трудно предвидѣть, на чемъ остановится это непрерывное возростаніе расходовъ на грамотность. Въ Слободскомъ уѣздѣ расходы эти увеличились за 12 лѣтъ (1881—1892) въ 3,12 раза, а въ Лаишевскомъ за 10 лѣтъ въ 4,37 разъ, тогда-какъ число учащихся за это-же время увеличилось всего въ 2,86 раза (Оп. изслѣд. стр. 281). Но теперь земства выполняютъ лишь небольшую часть своей задачи; если-же они пожелали-бы исполнить ее вполнѣ, имъ пришлось-бы затратить на школы нѣсколько своихъ бюджетовъ, оставивъ безъ удовлетворенія всѣ остальныя нужды народа. Таково положеніе дѣлъ, къ которому приводитъ господствующая система народнаго образованія. Къ счастью, она, повидимому, въ самой себѣ заключаетъ серьезную помѣху къ своему дальнѣйшему развитію и даже существованію. Народныя школы теперь уже довольно туго возростаютъ въ числѣ. Крестьяне, сохраняя, по-прежнему, любовь и уваженіе къ образованію, мало чувствуютъ расположенія къ земскимъ школамъ, теперь они стараются учить дѣтей подешевле, своими домашними средствами, но, къ сожалѣнію, вмѣсто поощренія встрѣчаютъ серьезныя препятствія къ этому. Даже земство начинаетъ сознавать, что избраннымъ путемъ оно ничего не сдѣлаетъ для просвѣщенія народа. Въ прошломъ году въ петербургскомъ губернскомъ собраніи 7 гласныхъ заявили, что «устройство начальныхъ училищъ въ необходимомъ количествѣ не по силамъ земству («Земство», № 11). Конечно, пора прійти къ такому убѣжденію, и чѣмъ скорѣе согласятся съ этимъ остальныя земства, тѣмъ лучше. Послѣ сдѣланнаго опыта нечего ждать и не на что надѣяться. Народное невѣжество такъ-

же глубоко и повсемѣстно въ настоящее время, какъ и 30 лѣтъ тому назадъ.

Существуетъ даже мнѣніе, что оставлять народъ на степени одной только грамотности, не обезпечивъ за нимъ перехода къ дальнѣйшему образованію, хуже, чѣмъ вовсе не учить его. Считаться-ли серьезно съ этимъ мнѣніемъ? Полагаемъ, что въ этомъ дѣлѣ могутъ быть компетентны лишь глубокіе и талантливые наблюдатели народной жизни, хорошо понимающіе психику, нравственный и умственный складъ современнаго крестьянства. Намъ кажется, что они нашли-бы въ вышеупомянутомъ мнѣніи частицу правды, нѣчто такое, надъ чѣмъ можно призадуматься. Если дѣло идетъ объ интеллигентномъ обществѣ, полуобразованіе обыкновенно всѣми признается вреднымъ, но грамотность, которая, въ сущности, сводится къ механическому упражненію органовъ, къ дрессировкѣ языка и рукъ съ ничтожной долей чисто умственной культуры, можно назвать, въ такомъ случаѣ, четвертнымъ образованіемъ. Для умственнаго развитія, для расширенія кругозора она ничего не дѣлаетъ, но она очень повинна въ той отвратительной чертѣ взиранія свысока на окружающихъ, не имѣвшихъ случая обучаться грамотѣ, въ томъ заносчивомъ и пренебрежительномъ отношеніи къ нимъ, которое свойственно весьма многимъ грамотнымъ крестьянамъ. Грамотный крестьянинъ всегда нѣсколько отдѣляется, въ умственномъ отношеніи, отъ своихъ односельцевъ, но, отдѣлившись, онъ, однако, не въ состояніи жить независимой умственной жизнью, напротивъ, онъ въ нѣкоторой степени обезличивается, быстрѣе и охотнѣе приспособляется къ новымъ для крестьянъ требованіямъ и условіямъ, и тѣ лица изъ образованнаго общества, которымъ приходится соприкасаться съ народомъ, находятъ именно въ грамотномъ самаго услуживаго и покладливаго исполнителя всякихъ своихъ видовъ. Когда эти «грамотники» становятся во главѣ крестьянскаго управленія, — отъ нихъ жутко приходится народу. Съ одной стороны, они отлично умѣютъ обращаться съ начальствомъ и обыкновенно считаются его любимцами; съ другой — отставъ нѣсколько отъ крестьянства, они вскорѣ находятъ своему поколебленному и неустойчивому нравственному состоянію исходъ въ хищничествѣ, въ обираніи «мужика-дурака», которое производится съ ожесточеніемъ и любовью.

VI.

Давно замѣчено: la critique est aisée, mais l'art est difficile. Если установившаяся у насъ школьная политика въ самомъ основаніи своемъ несостоятельна, то, спрашивается, какова должна быть правильно-организованная система народнаго образованія? Конечно, здѣсь можетъ быть рѣчь только о принципѣ, объ общей тенденціи такой системы, а не

практическихъ частностяхъ ея. Какъ уже выше было замѣчено, нормальная система образованія, въ противуположность нынѣ существующей, должна стремиться во что бы то ни стало къ доведенію расходовъ на распространеніе простой грамотности до послѣдняго minimum'а въ тѣхъ видахъ, чтобы всѣ средства, которыя будутъ, такимъ образомъ съэкономизированы, можно было обратить на цѣли высшаго образованія, единственно пригоднаго, какъ для интеллигентнаго общества, такъ и для народа. «Довести до minimum'а»—легко сказать, но какъ это сдѣлать?

Если бы не оказалось никакой возможности чувствительно удешевить теперешнюю систему распространенія грамотности, то, спрашивается, раціонально ли было-бы вовсе прекратить безобразныя затраты на этотъ предметъ съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ на устройство высшихъ народныхъ школъ, которыя, положимъ, соотвѣтствовали-бы существующимъ реальнымъ училищамъ? Мы ставимъ этотъ вопросъ въ такой рѣшительной формѣ съ единственной цѣлью лучшаго уясненія нашей мысли; въ дѣйствительности же удешевленіе способовъ распространенія грамотности вполнѣ возможное дѣло. Но еслибы это было невозможно—«тогда слѣдуетъ оставить по-старому»—вотъ отвѣтъ, который, конечно, громче всѣхъ раздается въ общемъ хорѣ голосовъ. Вокругъ народной школы успѣлъ уже сформироваться значительный контингентъ дѣльцевъ, приставшихъ къ ней, какъ мухи къ меду. Очень понятно, что значитъ шевельнуть умственную рутину и еще больше — затронуть кровные, желудочные интересы всѣхъ дѣятелей современной народной школы. Но какъ бы рьяно ни защищали они свое гнѣздо, имъ легко показать, что, поддерживая существующую систему азбучнаго просвѣщенія, они играютъ въ руку обскурантизму и добиваются вѣчнаго закрѣпощенія народа невѣжеству и нищетѣ духовной и матеріальной. Комбинація замѣны начальныхъ школъ высшими вполнѣ мыслима, принимая даже во вниманіе, что такихъ высшихъ народныхъ школъ можно устроить на нынѣ расходуемую сумму весьма мало. Теперь у насъ слишкомъ 25,000 начальныхъ школъ, а если вмѣсто нихъ будетъ тысяча, даже 500 высшихъ училищъ, то и это будетъ выигрышемъ относительно нынѣшней системы, хуже которой вообще трудно что-нибудь придумать. Пусть будетъ въ 10, во 100 разъ меньше контингентъ лицъ, учащихся въ этихъ высшихъ школахъ, всетаки эта маленькая армія образованной крестьянской молодежи на всякихъ вѣсахъ во всѣхъ отношеніяхъ будетъ тяжеле вѣсить нынѣ учащейся массы крестьянъ. Эта небольшая кучка интеллигентнаго крестьянства, наиболѣе свободная, по своему экономическому и сословному положенію, отъ рутины, будетъ живою культурною силою страны и истинной служительницей народа, которая съ лихвой окупитъ расходы на свое образованіе.

Говоря объ этой крестьянской интеллигенціи, мы предполагаемъ, что

она составитъ «небольшую кучку», «маленькую армію», между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, можетъ и не произойти замѣтной убыли въ общемъ числѣ учащихся. Если положить на каждую высшую школу по 200 учениковъ, то всего ихъ будетъ, при 1,000 школахъ—200 тысячъ, т.-е. почти столько-же, сколько обучается теперь въ начальныхъ школахъ Европейской Россіи. При 500 высшихъ школахъ, учащихся по этому разсчету окажется 100,000, но сюда необходимо присоединить и тѣхъ, которые будутъ учиться грамотѣ внѣ школъ. Затѣмъ слѣдуетъ еще взять въ разсчетъ, что теперь многіе учащіеся, по выходѣ изъ школъ, черезъ нѣсколько лѣтъ забываютъ все, чему они учились, и всѣхъ такихъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ вычесть изъ числа нынѣ учащихся, такъ что сравненіе этого числа съ числомъ будущихъ учащихся еще болѣе выгодно для предполагаемой комбинаціи. Забывать выученное будутъ и учащіеся въ высшихъ школахъ, однако, это совсѣмъ не то, что нынѣшній рецидивизмъ въ безграмотности; ученіе въ высшихъ школахъ хотя-бы оно и забывалось въ большей или меньшей степени, всегда оставитъ слѣдъ въ общемъ развитіи. Наконецъ, приверженцамъ господствующей системы народнаго образованія нѣтъ основанія особенно возставать противъ комбинаціи, о которой идетъ рѣчь, потому что любезная имъ азбучная грамотность отнюдь не будетъ заброшена; она только не будетъ возведена, какъ теперь, на степень высшаго идеала народнаго образованія; распространяться-же она будетъ несомнѣнно лучше и быстрѣе послѣ того, какъ водворится указываемая нами система. Прежде всего крестьяне будутъ продолжать обучать дѣтей своими домашними средствами, какъ это они дѣлаютъ и теперь; а послѣ того, какъ сформируется и начнетъ усиливаться упомянутая нами крестьянская интеллигенція, успѣхъ грамотности долженъ быть гораздо значительнѣе, чѣмъ нынѣ; она будетъ насаждаться такимъ-же порядкомъ, какъ въ настоящее время въ образованномъ обществѣ.

VII.

Мы сдѣлали предположеніе о невозможности удешевленія способовъ распространенія грамотности. Между тѣмъ, въ дѣйствительности это совершенно не такъ. Если до сихъ поръ главнымъ орудіемъ распространенія грамотности была дорогая земская школа, то не слѣдуетъ забывать, что иниціатива самихъ крестьянъ въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно стѣснена. Крестьяне, какъ извѣстно, все-таки ухищряются устраивать свои «тайныя» школы грамотности, дешевизна которыхъ можетъ считаться примѣрной. Постоянныхъ помѣщеній такія школы не имѣютъ, но устраиваются то въ той, то въ другой избѣ, при самой скромной обстановкѣ, учителя тоже дешевые, получающіе плату натурой и—незначительный денежный гонораръ. Учителя эти—народъ, конечно, не мудреный, но на грамот-

ность ихъ хватаетъ; за ними можно признать то достоинство, что они, по необходимости, ограничиваются въ своемъ преподаваніи самымъ существеннымъ и не могутъ растянуть обученіе грамотѣ на два, на три года, какъ это пришлось-бы сдѣлать, слѣдуя руководствамъ новѣйшихъ педагоговъ. въ родѣ какого-нибудь Бунакова, ухищряющихся изъ азбуки сдѣлать многолѣтній курсъ ученія. Но главное достоинство такихъ «самодѣльныхъ» крестьянскихъ школъ—*дешевизна* и, по нашему мнѣнію, затрачивать на такія школы больше, чѣмъ во сколько онѣ обходятся крестьянамъ, совершенно незачѣмъ. Стоитъ только предоставить самимъ крестьянамъ больше простора и свободы, и они въ значительной мѣрѣ возмѣстили-бы дорогое участіе земства въ дѣлѣ распространенія грамотности.

Къ числу мѣръ, направленныхъ къ удешевленію способовъ распространенія грамотности, слѣдуетъ отнести придуманную псковскимъ земствомъ довольно оригинальную мѣру. Въ силу постановленія псковскаго земскаго собранія, всякій, получившій свидѣтельство объ окончаніи курса въ народной школѣ, можетъ самъ сдѣлаться учителемъ и получить за каждаго представленнаго къ экзамену ученика 3 р., въ случаѣ, разумѣется, удачнаго испытанія. По всей вѣроятности, широкое распространеніе подобной мѣры имѣло-бы самыя благія послѣдствія; жаль только, что земство ограничиваетъ число такихъ учителей стѣснительнымъ требованіемъ свидѣтельствъ объ окончаніи курса народнаго училища. Къ чему это требованіе, разъ знанія учениковъ, обучаемыхъ этими учителями, будутъ повѣряться земствомъ? Но, за исключеніемъ этого стѣснительнаго условія, мѣра псковскаго земства очень разумна,—3 р. за каждаго обученнаго ученика относительно недорого, потому что теперь каждый *учащійся* обходится земству, среднимъ счетомъ, не менѣе 6 рублей, а собственно *обученный* долженъ, конечно, стоить несравненно дороже. Съ другой стороны, тѣмъ, кто будетъ обучать дѣтей, нельзя жаловаться на недостаточное вознагражденіе за трудъ; платить дороже за простую грамотность земство не въ состояніи, а обучать имъ придется своихъ односельцевъ между дѣломъ, въ досужное время.

Существуетъ еще одинъ дешевый способъ распространенія грамотности; это—*подвижныя* школы, для водворенія которыхъ у насъ имѣются всѣ условія. Подвижная школа есть дитя суроваго сѣвера; это простое, но остроумное изобрѣтеніе народа, умудреннаго нищетой и стремленіемъ къ свѣту. Въ Швеціи и Норвегіи,—этихъ классическихъ странахъ образованнаго и свободолюбиваго крестьянства, подвижная школа давно уже функціонируетъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ; въ маленькой Финляндіи считается 546 подвижныхъ школъ съ 116.201 учащимися. Съ неменьшимъ успѣхомъ, конечно, могла-бы дѣйствовать подвижная школа и у насъ. Для страны бѣдной, съ громадными свободными пространствами, по которымъ гуляютъ вьюги да мятели, нельзя и придумать болѣе подходя-

щаго школьнаго учрежденія. Нѣкоторые земцы, впрочемъ, находятъ ихъ непрактичными, по причинѣ, по которой онѣ и желательны и необходимы. Земцы *эти считаютъ ихъ неудобными, вслѣдствіе нашихъ* громадныхъ разстояній. Переѣзды учителей, говорятъ они, дорого будутъ стоить земству и вообще затруднительны. Очевидно, подобное возраженіе не имѣетъ никакого значенія. Могутъ-ли дорого стоить три-четыре переѣзда въ годъ (для каждой школы); расходъ на это нельзя и сравнивать съ затратами на постоянную школу. Еще менѣе можно считать такіе переѣзды затруднительными. Гораздо легче и удобнѣе *учителямъ перезжать* съ мѣста на мѣсто, чѣмъ *дѣтямъ проходить* ежедневно по 12 — 14 верстъ.

Возраженіе упомянутыхъ земцевъ, будто переѣзды учителей будутъ дорого стоить, сдѣлано, очевидно, наобумъ. Относительно постоянныхъ школъ дешевизна подвижныхъ прежде всего бросается въ глаза. По разсчету, сдѣланному для Вологодскаго уѣзда, учитель каждой подвижной школы въ годъ можетъ обучить 200 человѣкъ, тогда какъ въ обыкновенной трехзимней школѣ съ 40 учениками выучивается грамотѣ ежегодно только 15 человѣкъ. Согласно этому разсчету, 8—10 учителей будутъ *обучать почти столько-же учащихся, сколько ихъ теперь обучается* въ 40 постоянныхъ школахъ 40 учителями (безъ законоучителей), (см. матер. для ист. земск. дѣят. по народн. образов. по Вологод. губерніи, сост. Поливитовъ и Ивановъ. Вологда. 1893, стр. 42—43). Кажется, не трудно сообразить, что дешевле—подвижная или постоянная школа?

Итакъ, дешевые способы распространенія грамотности всегда найдутся, если только поискать ихъ. Однѣ подвижныя школы могли-бы обезпечить за народомъ азбучную грамотность. Затѣмъ необходимо расширить *въ этомъ дѣлѣ иниціативу самихъ крестьянъ и не стѣснять* устраиваемыя ими простыя школы грамотности, какъ постоянныя, такъ и временныя или «налетныя» съ бродячими учителями, весьма многочисленныя у насъ въ Россіи. Нѣкоторые считаютъ эти налетныя школы прототипомъ подвижныхъ, но онѣ отличаются отъ послѣднихъ своимъ временнымъ, случайнымъ характеромъ. Учителями тутъ являются разные прохожіе, бродячіе грамотеи, черничи, причетники, послушники, ушедшіе изъ монастырей, отставные солдаты, мелкіе чиновники, оставшіеся не у дѣлъ (*въ постоянныхъ крестьянскихъ школахъ*), *богомольцы, странствующіе лѣтомъ по святымъ мѣстамъ*, а на зиму останавливающіеся въ первой подходящей деревнѣ. Весь этотъ грамотный и полуграмотный людъ предлагалъ прежде, предлагаетъ и теперь свои услуги «учить ребятишекъ» гдѣ «за хлѣбъ и за ѣду», а гдѣ и за «что дадутъ».

Если предоставить распространеніе грамотности самимъ крестьянамъ и подвижнымъ школамъ, земство имѣло-бы возможность посвятить свои силы болѣе важному и благотворному дѣлу—развитія въ народѣ того

общаго (называемаго также среднимъ) образованія, которое теперь составляетъ удѣлъ лишь однихъ привилегированныхъ классовъ. Это новая трудная задача, за которую некому взяться, кромѣ земства; она требуетъ истиннаго благожелательства народу и самыхъ энергическихъ усилій. Главная трудность здѣсь, конечно, недостатокъ средствъ; это скала, о которую такъ часто разбиваются наилучшія намѣренія. Но самая маленькая возможность успѣха въ этомъ дѣлѣ налагаетъ на всѣхъ друзей народа нравственную обязанность стучаться, сколько достанетъ силы, въ эту завѣтную дверь, заграждающую многомилліонной массѣ доступъ къ благамъ истиннаго просвѣщенія.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 19 іюля 1897 г.

Типографія М. Меркушева. Невскій, 8.